

В. Н. ПЕРЕЦ

К вопросу о сравнительном методе в литературоведении

I

Литература есть надстроечное явление, следовательно она разделяет судьбу всякой надстройки, которая возникает в зависимости от изменений в базе. При этом «новая надстройка заимствует и ассимилирует, деформируя и подчиняя новому общественному базису целый ряд старой надстройки», как и в других аналогичных случаях,¹ и потому в процессе исследования, перед нами, по выражению Энгельса, «стоит задача вскрыть, как на каждом этапе развития общества на базе определенной системы производительных сил и производственных отношений заново возникает, конструируется и новая надстроечная структура. Но этот процесс протекает не в безвоздушном пространстве, а в конкретной обстановке плавки прежнего способа производства, распад которого и возникновение нового, так же как и распад старых и возникновение новых надстроек идут параллельно, проникают один в другой».²

Это общее положение имеет непосредственное отношение и к нашему вопросу, к явлениям «заимствования» в ходе литературного развития вообще и в границах феодальной Руси в частности и к способу их обнаружения.

Литература, возникающая из жизни — и в свою очередь влияющая на жизнь, — это вечно движущийся и разветвляющийся поток, своими истоками уходящий в эпоху доклассового общества. Напрасно думают, что она может пребывать в статическом состоянии, и что ее можно в таком состоянии изучать. Ее следует изучать в движении и при этом, как рекомендовал Маркс, «исследование должно освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю

¹ С. Толстов. Проблема родового общества. Советская Этнография, 1931, № 3—4, стр. 75.

² Энгельс. Анти-Дюринг.

связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено действительное движение». ¹ Это значит, что для обнаружения научной истины следует не пренебрегать ни одним способом ее раскрытия, но предусмотрительно учитывать, что может дать тот или иной метод, или прием работы.

Итак, как все явления жизни, литература изучается в движении, в процессе ее становления, а не статически; только в учебниках для простоты изложения допускается упрощение с целью более удобного обзора материала: говорят, напр., «литература XII в.» или «литература XVII в.» и т. п. В моих лекциях по методологии я уже огмечал эту условную манеру периодизации литературных явлений, как приемлемую только с педагогической точки зрения. Но, конечно, ни одному настоящему ученому и не снилось, что литературное развитие в какой-либо стране, в точных пределах столетий или иных сроков — представляло бы собою нечто законченное, остановившееся в своем развитии. И вот, в этом процессе становления той или иной литературы у народа получающего письменность и выходящего на арену исторической жизни через приобщение к культуре опередивших его народов, — литературы, равняющейся на соседнюю, созданную нацией переловой, являющейся своего рода «законодателем моды» для определенного, обычно ведущего класса нации заимствующей, отсталой — заимствование оказывается чрезвычайно удобным и обычным способом «сравняться» с этим «законодателем». Само собою разумеется, что на первых порах заимствует не вся нация, а тот ее класс, который культурно наиболее близко подходит к «законодателю».

«Заимствование» таким образом есть явление неизбежное в жизни народов, так как нет народов, жизнь которых протекала бы в полной изоляции. Не всегда нация изобретает все, необходимое ей, сама, когда достигает известного культурного уровня.

«Заимствование», понимаемое в широком значении, охватывает различные стороны быта; например, северные народы заимствовали алкоголь, а не изобрели его; народы Европы заимствовали у Америки картофель и табак. В X—XII вв. высший класс древней Руси усваивал одежду знатных византийцев; в XVIII в. — таковой же класс заимствовал парики, фижмы и многое другое у Западной Европы. Так заимствовались и литературные идеи, и формы их выражения: заимствование — было всегда и везде усвоением литературного опыта, опыта представителей исторически предшествовавших культурных слоев ведущего класса. Литература не была

¹ Маркс. Капитал, I, предисл., стр. XL, 6-е изд. 1930 г.

исключением. Отрицать факты заимствования в литературе нельзя, равно как и закономерности такого заимствования; вопрос только в том, как оно происходит, по каким причинам, к чему ведет и для кого осуществляется.

Факты заимствования в литературе, как результат общения между народами, собственно говоря — между их классами, стоящими на сходном этапе общественного и культурного развития, — могут быть констатированы в разных видах и степенях. В частности на материале русской и украинской литературы эпохи феодализма они наблюдаются в таких видах:

1) Простейшим видом незамаскированного заимствования в области литературы этого периода являются книги христианского культа в его восточной разновидности, переводные жития греческих святых, сочинения учителей церкви, хроники, переводные повести и пр., буквально передающие новой восточнославянской среде идейное содержание греческих памятников, но в новой языковой оболочке.

2) Случаи опосредствованного заимствования видим неоднократно, например, в первых же опытах таких ораторов, как Феодосий, Иларион, и др., старавшихся говорить «от писания»; в «Слове о полку Игореве», автор которого незаметно для себя усвоил некоторые словесные формулы церковной литературы; таковы некоторые публицистические произведения, развивающие принесенную из Болгарии идею о 3-м Риме, но развивающие ее применительно к русским условиям быта XV—XVI вв. и пр.; в некоторых случаях заимствованною является не идея, а форма композиции, например, драматическая, а наполнение ее принадлежит русскому автору, — такова «Комедия о графе Фарсоне».

3) Далее укажем на случаи преднамеренного подражания, очень частые в древней русской литературе: таковы многочисленные памятники агиографической литературы, сложенные по шаблону, выработанному греческой литературой; таковы памятники русской религиозной гимнографии, созданные тем же способом, следуя установленным греками образцам. Свободное, хотя и намеренное подражание видим в произведениях Кирилла Туровского, или например, в некоторых произведениях, использовавших шаблон, данный библейскими пророками — у Максима Грека, Серапиона Владимирского, Мелетия Смотрицкого.

4) Еще дальше от прямого, непосредственного заимствования стоят случаи «влияния». Это — случаи частичного отражения в творчестве автора — первоначально чужого ему, не им найденного и впервые формулированного материала, идейного или словесного; таковы например, в заведомо переведенных с иного языка повестях стихии стиля устной русской

словесности, и наоборот, в произведениях устной словесности — элементы письменной традиции. Таким образом, в процессе создания некоторых литературных памятников наблюдается своего рода диффузия словесного и идейного материала.

Как показывает наблюдение, в литературной области, нас интересующей, заимствования не остаются «инородным телом»: они часто прочно врастают в новую среду и имеют в ней свою судьбу; сокращаются, распространяются, варьируются, значительно видоизменяясь, несут различные функции, сообразно потребностям времени и культуре того класса, который их использует; такова, например, судьба Александрии в восточнославянских литературах, таковы, например, изображения весны у Григория Назианского и его русских подражателей и пр. «Займствованное» — в процессе литературного развития разделяет судьбу оригинального, и так же как оно — в истории нашей литературы испытывает воздействие социальных сдвигов в обществе, в котором оно бытует.

Мы пришли к определению литературного заимствования, как перенесения литературного памятника в новую языковую среду, в культурную среду новой нации, а также перенесение писателем в свое произведение идейного и формального материала из литературной продукции предшественников и, иногда, современников. Это перенесение бывает намеренным, сознательным (плагиат, подражание), или ненамеренным, основанным на воспоминании о прочитанном или услышанном (влияние, реминисценция).

Случайно или неслучайно происходит такое перенесение? Многих соблазняла мысль признать его случайным. Но случайности нет. Писатель, будь он древний или новый, часто спокойно проходит мимо тысяч литературных образцов, мимо высказываний массы поэтов-предшественников, но не заражается их идеями, не запоминает, не усваивает себе их словесных форм настолько прочно, что они становятся для него родными, — и только в некоторых случаях из массы материала, созданного его предшественниками, берет нечто, оформляя по своему. И делает он это постольку, поскольку этого требует жизнь, т. е. весь комплекс окружающих его условий существования в той общественной ячейке, к которой он принадлежит, чьею болью болеет, чьею радостью радуется. Среди этих условий, определяющих отношение писателя к жизни, — существенное место принадлежит классу, представителем которого является данный писатель, классу, чье задание он выполняет в своем творчестве. Громадное большинство древнерусских писателей в своих произведениях дают реминисценции из произведений греков, в которых слышится отстаивание интересов феодальной

верхушки общества; и почти не слышен голос тех произведений Иоанна Златоустого, в которых он выступает, как представитель Константинопольского пролетариата своего времени, хотя другие его произведения пользуются широкою популярностью.

Таким образом и в заимствовании, и в подражании процесс работы писателя, в частности древне русского, детерминирован его классовою принадлежностью, классовым интересом. Это не значит, что смерд, ставши писателем, становится всегда выразителем интересов своего угнетенного класса: в феодальной Руси, становясь грамотным, большею частью церковником, он порывал обычно со своим классом и становился сторонником и выразителем идеалов своего нового класса, к которому примыкал. Но и у него иногда, как у летописца, прорывались суждения о том порядке, в котором господствовало право сильнейшего, и экономически, и внеэкономически, класса феодалов. Вспомним суровые слова поучения к судиям и властелям, восходящего к домониолевскому периоду.

Принимая во внимание сказанное, мы можем принять как окончательное, такое определение заимствования всех видов: оно есть воспроизведение писателем в своем творчестве, намеренно или ненамеренно, того из литературного наследия, что отражает его классовую заинтересованность и соответствует его классовой идеологии, основанной на определенной социально-экономической базе.

Все случаи заимствования, начиная с первого, элементарного и легко обнаруживаемого, и кончая последним, наиболее трудным, ибо тут могут возникать у исследователя различные возражения и сомнения, — обнаруживаются с помощью «сравнительного метода».

II

Все наше мышление широко пользуется сравнением. Через сравнение мы познаем вещи и мысли, даем им оценку и проникаем в их сущность. И вполне было естественно, когда ученые литературоведы, покинув догматику эстетических оценок на основании принятого априори канона прекрасного, обратились к изучению литературных фактов и на основе широко проведенного сравнения их попытались проникнуть в процесс их создания.

Это была первая брешь, пробитая в романтической теории «свободного творчества», «свободного вдохновения», ибо допущение зависимости творчества поэта от тех или иных возможных и доказанных влияний — указывало не на индивидуальный источник творчества, а на социальный характер его, — ставило литературу в ряд проявлений жизни, срывая ее с надзвезд-

ных высот будто бы свободного, ничем не ограниченного вдохновения. Человек — существо общественное; поэтому писателю как человеку ничто человеческое не чуждо. Он, как и другие люди, подчиняется законам общества и в своем творчестве отражает эту жизнь общества со всеми ее сторонами. Таков был итог низвержения поэта с заоблачных высот «свободного вдохновения».

Такова была и историческая заслуга тех ученых, которые обосновали и демонстрировали в своих работах принципы сравнительного метода, — не путем деклараций, а на деле показали и обосновали его применение. Имена Бенфея, Либрехта, Кёлера, Париса и многих других на Западе, а у нас Пыпина, Веселовского, Жданова и др. — являются своего рода вехами, показателями новой эпохи в истории нашей науки. Для своего времени, на своем этапе — они сделали много важного, поставив вопрос о генезисе литературного произведения, — вопрос кардинальный, от решения которого зависит все дальнейшее в программе работы литературоведа.

В чем заключается сущность сравнительного метода, внесенного в практику нашей науки названными учеными?

Сущность его заключается в том, что изучаемое литературное явление в целом и в частях сопоставляется с предшествующими ему во времени фактами в пределах той же литературы или созданной иной нацией, но знакомой автору, при условии, что есть данные умозаключать о знакомстве его с этой литературой. Такое сопоставление, последовательно проведенное, может показать, что:

1) Данное, рассматриваемое произведение, независимо от предполагаемых образцов, и идейно и формально (своей тематикой, композицией, стилем, т. е. вообще словесным оформлением) — самостоятельно, оригинально. Это не значит, что автор творил «свободно» от воздействий окружающей его среды, а лишь то, что при воспроизведении своих идей он не пользовался ранее сложившимся образцом, шаблоном.

2) Изучаемое произведение создано автором в зависимости идейной или формальной от какого-либо из ранее существовавших.

3) Автор в своем произведении допустил намеренное (как это наблюдается у Карамзина, или у д'Аннунцио) подражание, близкое к образцу или ненамеренное, вследствие невольной реминисценции, — и при этом внес нечто свое, но своему обработал заимствованное, показал с новой стороны уже ранее использованный сюжет, идею, и т. д.

Таким путем сравнения литературных произведений всех времен устанавливаются сходства и различия в идейном содержании и в словесном оформ-

млении. В первом случае, при наблюдаемом сходстве идей, установить факт заимствования или влияния — труднее: в определенных условиях культуры, общественного быта лица, принадлежащие к одной общественной группе или классу, могут быть носителями сходных и даже тождественных идей, которые могут у них зарождаться безо всякого заимствования, например, идея протеста против классового гнета. Это давно было отмечено Плехановым.

Но гораздо менее вероятно, чтобы люди, разделенные веками, общественным положением, воспитанием и самою классовою принадлежностью — выразили свои идеи, чувства, настроения одними и теми же словами, отлили их в близкие, а тем более, — в тождественные словесные формулы, точно отражающие определенный исторический момент и характерные именно для него. Ведь даже явные подражатели, например, «Слову о полку Игореве», спустя два века и более, повторяя его фразеологию, вносят в нее свои, новые черты, чуждые и невозможные в оригинале XII в. Эти совпадения и служат основанием для установления оригинала, которому следовал подражатель. Словесные формулировки легче уловимы, чем оттенки идей. И если мы встречаем в памятнике позднейшем и притом принадлежащем иной среде словесные формулы, известные уже из памятников, явившихся ранее и доступных позднейшему автору, — мы вправе умозаключить, что здесь, в анализируемом случае, имеем дело с подражанием старшему образцу. Так рассуждает следующий в своей работе принципам, завещанным основателями сравнительного метода.

Попробуем разобраться в вопросе, пригоден ли в условиях нашего времени сравнительный метод для работы литературоведа, или его следует оставить, как отживший, сыгравший свою роль. Попробуем установить, пригоден ли он, и если пригоден, то в какой мере и с какой точки зрения.

Пользоваться методом в работе, как и всяким инструментом, можно умело — и неумело. В руках опытного мастера применение инструмента дает прекрасный результат; кисть в руках художника дает совершенные творения, но в руках невежды и наилучший инструмент только портит материал, наилучшая кисть дает жалкую мазню. Так и в деле литературного исследования: в одних руках сравнение, проведенное с тактом и знанием, на большом и соответствующем делу материале — давало одни результаты; в руках других, имевших, скажем, более темперамента, чем критических способностей, или находящихся во власти эмоций, или более склонных к трудолюбивому, но бесплодному коллекционерству — другие результаты. И надо сказать, что, к сожалению, сравнительный метод и вытекающая из

него «теория заимствований», имевшая долгое время неограниченный кредит и применявшаяся там, где возможно и невозможно, — вследствие некритичности и неосторожности своих адептов совершенно потеряла его среди «ученых-максималистов», ищущих какой-то универсальной отмычки для всех вопросов литературоведения, тогда как опыт учит нас, что для решения их нужны различные технические приемы. К тому же тому, кто не работал над международным материалом трудно сознаться, что и сравнение может к чемунибудь пригодиться. . .

Обыкновенною ошибкою в случаях неудачного пользования сравнительным методом является игнорирование исторических условий, в которых создавалось изучаемое произведение: не считаются, например, с биографией писателя, не спрашивают, мог ли он заимствовать тот или иной элемент своего произведения, знал ли он язык предполагаемого источника, имел ли его в руках и т. п. Упускают из виду условия жизни общества и самый характер предполагаемого «заимствования», являющегося в сущности словесным выражением «пдей века». Кроме того, даже недолгое наблюдение над фактами убеждают нас, что ничто совершенно чуждое психике писателя (или среды — в области устной традиции) не заимствуется: в основе «заимствования» лежит сродство интересов, и притом не только личных, но — что важнее — общественных, классовых.

Как вскользь замечено выше, никакое подражание, заимствование — не бывает буквальным повторением оригинала. Уже тот факт, что подражатель живет позже своего оригинала, т. е. в эпоху, отличающуюся своими особенностями, является обстоятельством, мешающим буквальности заимствования. Одна и та же идея на разных этапах классовой борьбы заставляет писателя иначе реагировать на нее. Таким образом механического заимствования не бывает; даже при переносе готовых эпизодов, отдельных сюжетных единиц, — мы встречаем их в ином обрамлении, употребленными в дело с новым пониманием их значимости.

Заимствуемое всегда претворяется, либо вновь соотносится, координируется с фактами жизни новой общественной среды в процессе ее формирования. Даже в повторяемые готовые формулы в некоторых древнерусских памятниках вкладывается новый оттенок, и, стало быть, новое их понимание. Таким образом буквального, тождественного заимствования никогда не бывает.

Можно ли отказаться литературоведу от применения сравнительного метода? Полагаю, что нельзя; но следует подчинить пользование им определенным установкам современного литературоведения. Сравнительный ме-

тод раскроет нам, в меру наличного материала и искусства исследователя, — чем и как в процессе творческой работы тот или иной писатель, старый или новый, для оформления своего художественного замысла пользуется, черпая из сокровищницы коллективного литературного опыта своих предшественников.

Слепое доктринерство никогда не приводит к удачным, плодотворным результатам, особенно тогда, когда оно препятствует реальной работе и заменяет ее подбором цитат на манер средневековых схоластов, правда из хороших книг, но механически усвоенных и не примененных к продуктивной работе над материалом. А если в процессе применения сравнительного метода у ученых прошлого были даже серьезные недочеты, то мы должны вспомнить многозначительные слова Ленина: «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали»¹, и потому естественно, мы не можем и не должны отказываться в своей области работы от тех средств, которые дает нам выработанная техника исследования: как старый филолог не решался пользоваться своим материалом без предварительной критики его достоверности, как вопрос об исторической достоверности свидетельства, документа тревожил добросовестного историка прошлого времени, как текстологическое разыскание было основой научного издания того или иного произведения литературы и т. п., так и теперь те же вопросы стоят пред литературоведом-марксистом, если он захочет быть добросовестным. И сравнительный метод, как прием, помогающий вскрыть процесс работы писателя, будет неизбежно применяться в работе над литературным наследием прошлого, но с такими поправками, которые упразднят бесцельное коллекционирование «параллелей», обнаруживающее начитанность ученого, но ничего не доказывающее читателю его трудов.

Мы должны быть признательны тем ученым, которые, пользуясь сравнительным методом, произвели в понимании литературных памятников громадные сдвиги, обнаружив, например, интернациональность литературного процесса и в области личного творчества писателей, и в области устной традиции, коллективность литературного творчества в течение веков, или срывая покров мнимой исторической достоверности с таких памятников, которые с самого создания их, в течение ряда веков считались бесспорными свидетелями о жизни отдаленного прошлого, тогда как в сущности они — только свидетели этой коллективности. Примером может служить

¹ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1931, стр. 304.

скромная на вид, но богатая возможностью выводов работа проф. Абрамовича,¹ наглядно показавшего, что Киевский Печерский патерик, и в частности Житие Феодосия — не имеют той исторической достоверности, которую им приписывали, — что они вместо подробностей жизни первых обитателей монастыря — дают лишь ловко скомпонованные отрывки из переводных греко-византийских памятников агиографии; что этот памятник, в главной своей части — не исторический, а легендарный, почерпнувший свои quasi- «исторические» данные из запаса восточных благочестивых повестей.

Не менее в свое время была ценна и другая работа над аналогичным материалом, исследование о некоторых русских житиях, написанное проф. Кадлубовским,² подрезавшим официальные воззрения на жития и показавшим, что некоторые памятники этого рода — суть лишь перелицовки на русский лад, в зависимости от исторических условий на Руси, — греческих одноименных святых: за неимением точных данных о жизни русских подвижников, авторы их житий наивно пользовались, как образцами, житиями греческих, носивших те же имена. Можно себе представить, каким ударом по клерикализму были такие исследования. И такая разрушительная — и вместе с тем созидательная, — дающая научную истину, работа совершена авторами ее только вследствие широкого применения ими сравнительного метода к исследованию материала, бывшего для верующих — неприкосновенной святыней. «Pia fraus» была ими разрушена. Приведу еще пример: в исследовании о летописи³ акад. Сухомлинов в свое время наметил процесс создания древней русской летописи и указал (хотя и не все) ее источники. Это было большое завоевание для той эпохи, так как этими источниками определяются идейные руководящие тенденции формировавшегося на развалинах родового быта феодализма. Несмотря на некоторые даже и для своего времени недостатки, это исследование имело большое объективное значение: оно констатировало основной фонд воззрений писателя XI—XII вв. Много нападков и в свое время вызвал труд Стасова о происхождении русских былин,⁴ за неосторожность и необоснованность сближений русского эпоса с эпосом сибирских народов; были и остаются

¹ Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике, как историко-литературном памятнике, 1902, и Изв. ОРЯС, 1901—1902.

² А. П. Кадлубовский. Очерки по истории древне-русской литературы житий святых, 1902, и Русск. фил. вестн., 1901.

³ М. И. Сухомлинов. О древнерусской летописи как памятнике литературном. Учен. Записки Акад. Наук по 2 Отд., III, 18.

⁴ В. В. Стасов. Вестн. Евр., 1868 и Собр. сочинений.

до сего времени некоторые нарекания на Веселовского¹ и Жданова² за их работы в той же области. Но этому вина не в сравнительном методе, которым они пользовались, а в недостаточной осведомленности в материале, в склонности к смелым гипотетическим построениям, в, может быть, излишней для ученого пылкости темперамента, наблюдающейся у Стасова, и предвзятости убеждений. Но всякое явление научной жизни в ее общем поступательном движении имеет свое определенное значение на своем историческом этапе.

Каждому литературоведу следует помнить слова Ленина, сказанные им по поводу профессоров-экономистов. Задача марксистов заключается не в том, чтобы, по немецкой поговорке, выплеснуть из ванны вместе с грязною водою и ребенка, а в том, чтобы пользуясь испытанными и не раз проверенными методами исследования — «уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов».³

III

Я никогда не был теоретиком сравнительного метода, но пользовался им в моих работах то более широко (в работах по фольклору), то более ограниченно (в работах по литературе XVII—XVIII вв.), и от меня не скрылись слабые его стороны, рельефно обнаруживаемые в работах не всегда осмотрительных его адептов. В моих лекциях по методологии истории русской литературы (1914), изложив принципы этого метода, я писал: «Но сравнительное исследование имеет свои подводные камни», и, приведя слова Срезневского в пользу самостоятельного зарождения литературных форм, продолжал: «Всегда следует помнить, что видеть во всем и везде „заимствование“ — это для ученого, пользующегося сравнительным методом, — признак „дурного тона“, плохой школы или отсутствие всякой школы».⁴

Но кроме «дурного тона» в неумелом применении сравнительного метода скрывается и нечто другое; а именно:

1) в значительной степени уверенность, что нагромождение параллелей и вариантов имеет какое-то самодовлеющее значение, и

¹ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. Сборн. ОРЯС, XXII, № 2, 1881; его же Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. 1872, и др.

² И. Н. Жданов. К литературной истории былевой поэзии, 1881; его же Русский былевой эпос, исследования и материалы, 1895.

³ В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, 1931, стр. 280.

⁴ Из лекций по методологии, стр. 181, и вообще — см. стр. 172—184.

2) стремление свести литературный процесс к этому механическому нагромождению фактов, деталей, эпизодов, стилистических формул и т. п., лишив его внутреннего основания, — зависимости от течения жизни, связи с выдвигаемыми ею потребностями, устраняя вопрос для кого творится литература, забывая ее функциональную роль и назначение.

Для того, кто стоит на почве марксизма, вторая опасность — не существует; но первая, поддерживаемая склонностью начетчиков «блистать эрудицией», — изживается не так скоро: ведь пример работ вроде Андерсона, столь же ученых, сколь и бесплодных, — соблазнителен. . .

Подведем итоги нашим рассуждениям.

Сравнительный метод — в процессе работы литературоведа необходим, как метод подготовительной обработки литературного материала для последующего анализа его с социологической точки зрения. Не обследованный с точки зрения его происхождения памятник литературы, т. е. еще не определенный, как оригинальный, переводный, подражательный — не может быть с достаточною уверенностью использован для дальнейших построений, как материал для истории литературы. Отсутствие сведений, что собственно принесла новая среда в заимствованный путем перевода или подражания памятник — не позволит нам определить степень оригинальности и процесс трансформации заимствующей среды. Мы будем лишены возможности, отказываясь от применения сравнительного метода, — проникнуть в мотивы заимствования с желательною точностью. Те, кто воображает, что сравнение имеет какое-то самодовлеющее значение, конечно, ошибаются в его целесообразном применении; но и те, кто считает этот метод ненужным на той ступени социальной и научной жизни, на которой мы находимся, — ошибаются не менее, только в другую сторону.

Нужно только помнить, что сравнительный метод — не система философских понятий, идеалистических или материалистических, а лишь рабочий прием для обнаружения культурных и литературных связей в словесном творчестве всех народов, приходивших в соприкосновение в исторической, а иногда доисторической жизни. Так напр., не придавая ему какого-то «самодовлеющего» значения, понимал роль сравнительного метода и А. Н. Веселовский, далеко не чуждый, как полагают некоторые, социологической оценки значения литературных фактов. Так, не будучи марксистом, он однако думал, что «сословное раздвоение на управляющих и управляемых обусловило раздвоение эпоса на простонародный и художественный: α) первый переневаает старые сюжеты, внося в них новое понимание... β) эпос высшего класса, художественный, эпос школьный, уче-

ный... отличается личным выбором сюжета с эпизодическим характером» и т. д. (резюме его университетского курса 1882 г., § 4, см. П. К. Сямони, Библиогр. список трудов А. Н. Веселовского, 1922, стр. 21, 22). Эту сторону деятельности А. Н. Веселовского метко очертил в 1930 г. акад. Н. Я. Марр: «С расцветом востоковедения в Петербургском тогда университете неслучайно совпала исключительно творческая по методологии деятельность известного историка литературы и теоретика, с яркими социологическими моментами в изысканиях, проф. и акад. А. Н. Веселовского, чутко учитывавшего вклады в предмет его исследования всех народов и племен».¹

1932 X 20.

¹ Вопросы языка в освещении лингвистической теории. ГАИМК, Ленинград, 1933, стр. 14.